

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВО ЖИЗНИ

ВОТ уже пятнадцать лет подряд он пишет одну картину. Пятнадцать лет он ее снимает с мольберта и спустя некоторое время ставит на место. Сколько раз она казалась законченной, столько раз менялась неузнаваемо!

И картина-то, вроде, простая. Старик-отец, каким запомнился ему, мальчику, перед самым своим концом. И еще — то ли длинная изгородь, то ли прижавшиеся, подпирающие друг друга сельские домишки и цветы. Ярко-желтые. Обычные полевые цветы с удивительно красивым названием «Лумынэриле пэмынтулуй» — «Свечи земли».

Пятнадцать лет Греку зажигает эти свечи...

Отцом и матерью он называл своих приемных родителей, у которых воспитывался с первого года жизни, став двенадцатым ребенком в семье. Есть такое село на юге Молдавии — Ташлык. Там, в Буджацких степях, прошло его детство. Оттуда двенадцатилетним мальчиком, взяв с собой любимую скрипку, сделанную им с помощью названного отца, и любимую коллекцию ярких конфетных оберток, он уехал учиться. Оттуда — из южных молдавских пейзажей, из народных молдавских ковров, где на черном всегда вспыхивали яркие дразнящие огни красного, зеленого, желтого, из детских воспоминаний и впечатлений — родом художник Михаил Греку.

Вспомним его «Весну» и «Осень», «Ужин в поле», его дома, крепости и врата, его «Гостеприимство», «Историю одной жизни», «Луну над Бутученями» и «Времена года» — разве они не оттуда родом? Даже полное символических и сложных ассоциативных линий «Древо жизни» — «выросло», питаясь соками его родной буджацкой земли...

Еще в школе были замечены его способности к рисованию, благодаря которым он попал в Бухарестскую академию художеств. А затем, после освобождения Бессарабии, — в Кишиневское художественное училище. Начиная с 1945 года, он — участник всех республиканских выставок. В этом же году он принят в Союз художников СССР. В следующем — организуется его первая персональная выставка в Кишиневе. В 1952 году он получает первый государственный заказ. В 1957-м участвует во всесоюзной выставке и в выставке советского искусства в Пекине...

Что же заставило Греку, спустя многие годы, заявить: «Я родился как художник в 50 лет?»..

Греку — максималист. Но вспомним Анатоля Франса, как-то сказавшего: «Искусству угрожают два чудовища: мастер, который не стал художником, и художник, который не стал мастером».

Да, родились уже, увидели свет, были оценены и приобретены музеями республики та-

кие его полотна, как «Материнство», «Женщина в желтой повязке», «Татарбунарское восстание», «В застенках сигуранцы»... Но было ли это нечто большее, чем мастерство?

— Однажды я вдруг понял, что смогу, как Григореску, как Йогансон, как Делакруа, как... А кому это нужно, то, что уже было написано до меня? И тогда я спросил себя, а сможешь ли ты, как Греку?..

...На холсте уже проступала будущая картина. Уже был рисунок, цвет, объем, светотень. Девушки, радостные и счастливые, куда-то спешили. Это был второй или третий вариант. И все было — не то. Что «не то» — художник пока не знал. И тогда он стал зрителем — самим собой из далекого детства. И вспомнил: деревенскую хору и ощущение праздника — от слепящего разноцветья женских одеяний, ярких, как солнце...

Картина получилась «странной», не вписывавшейся в «рамки» традиционной современной живописи.

«Чадырлунские девушки», а это были именно они, были первой попыткой «как Греку». Может быть, не совсем удавшейся, решенной слишком декоративно и прямолинейно. Но это уже был Греку и никто иной. Одним из первых оценил и поддержал эту работу великий Мартирос Сарьян.

Наверное, это было не случайным. Ибо корни искусства и Сарьяна, и Греку одни — самобытное национальное народное творчество.

...У Сарьяна есть автопортрет, сделанный в молодости. Странные, огненные, разноцветные полосы пересекают его лицо. Сам Сарьян объясняет это просто: солнце внутри меня. Вспомним поэта: «Огромное, яркое солнце, как быстро ты убило бы меня, если бы во мне самом не всходило такое же солнце»...

Наверное, когда бы Греку сам не был наполнен изнутри солнцем и не напоен солнцем родной Буджацкой степи, он вряд ли дерзнул отказаться от привычной и знакомой светотеневой пластики, пойти на «крутой поворот», стовивший ему многого.

Греку не любит говорить о том, как трудно ему было, как приходилось отбиваться от нападок критиков и товарищей по искусству, не всегда понимавших его. Он только с какой-то детской радостью и беззащитностью рассказывает о том, какое колоссальное удовольствие доставляет ему процесс творчества, и как это ему помогало и помогает.

— Знаете, перед каждым новым чистым холстом я чувствую себя мальчиком, впервые взявшим в руки кисть. Сомнения не оставляют меня. Я никогда не вижу заранее будущую свою картину, я ее чувствую. И мне самому страшно интересно, что из этого всего получится...

Тогда, в 60-х, ведомый жадной поиском, он

старался вернуться к тому, с чего начинался: к своим корням, к детству, памяти, земле, где родился, к ее людям. Он много ездит по Молдавии. Пишет с натуры.

Однажды как-то он уже заканчивал одну из таких картин — обычный сельский дворик и дом. Сзади остановились две женщины и, не обращая на него внимания, стали разглядывать почти законченную картину.

— Смотри-ка, — сказала одна, — дом моша Иона. Похож. А почему там, во дворе, много деревьев, а здесь, на картине, только одно?

— Там они растут себе и растут, — сказала вторая. — А здесь много деревьев нельзя — не подходит. Здесь нужно только одно...

Таких эпизодов было немало. Вот так, неожиданно, Греку получал право на то, что делал. От простой крестьянки, от зрителя, назвавшего его крепости «седьмой историей», от другого зрителя, написавшего ему про «Историю одной жизни»: «Вы нарисовали мое детство».

Когда уже в 70-е годы Греку настигла новая волна критики в связи с его картинами «Кратер вулкана», «Космическое», «Генезис», «Вулкан», в своей мастерской он поставил на стул одно из этих полотен с живым, пульсирующим, буйствующим фиолетовым цветом, а рядом — банку с огромным букетом сирени и, позвав знакомого дворника, спросил: похожи они или нет? «Эти — пахнут, — ответил тот, указывая на сирень, — а это — красиво!»...

Наверное, Греку можно назвать философом цвета. Всю свою жизнь он добивался и добивается главного — чтобы цвет говорил! Не линия, не объем, не рисунок — цвет — основной носитель его мысли и идеи. Он шел к этому сначала неосознанно, интуитивно, потом сознательно, возведя это в принцип, и пришел однажды к двум полюсам палитры, вобравшим в себя все остальные краски, — черному и белому.

Закономерной и естественной видится поэтому многозначность, ассоциативное богатство, сложная символика произведений Греку последнего десятилетия. Его картины стали похожи на мудрые философские притчи, поведенные художником из народа, сумевшим облечь многовековую народную мудрость в современную, изысканную художественную форму. Вспомним хотя бы его серию «Врата» и его «Древо жизни»...

Спор о творчестве Греку не закончен. И очень хорошо, что сегодня мы можем поставить слово тем, кто уже высказал свое суждение об этом уникальном явлении молдавского искусства.

«Искусство Греку сложно, многопланово, и целостное его восприятие и понимание возможно только тогда, когда мы сумеем его увидеть сразу с нескольких точек зрения. В ра-

ботах Греку подкупает красота самой живописи, но, кроме того, есть еще несколько уровней более глубоких. В качестве следующего я бы назвал уровень романтического и поэтического восприятия мира. И есть уровень философский...».

Б. БЕРНШТЕЙН, кандидат искусствоведения.

«Прежде всего бросается в глаза то, что работы Греку отмечены любопытным соединением ясности с глубиной и неподдающимся легкому прочтению подтекстом.

Творчество Греку активно обращено к поэтическому и нравственному миру человека, и потому оно необходимо людям!...».

И. САПЕГО, искусствовед.

...Есть такое состояние дня — сумерки. Чувствуются и видятся они всеми по-разному. Обычно — как мягкое и негромкое напоминание о закате. Редко — как первые провозвестники новой, зарождающейся в них зари... Счастлив тот, для кого в сумерках яснеет день. Ибо лишь понимание бесконечного и нерасторжимого единства утра и вечера, дня и ночи, света и тьмы рождает истину.

Счастлив ли Михаил Греку? Счастлив ли человек, который с радостью и непосредственностью детства, уверенностью и искренностью юности, свободой и мудростью высоких лет заявляет: «В семьдесят я чувствую, что стану интересным художником...».

Счастлив ли художник, в котором бушует солнце?.. То самое, беспощадное, жгучее, злое и всегда дарящее жизнь солнце, породившее радугу на лице Сарьяна, раскалившее докрасна виноградники Арля, лагуны Танти, горы Тибета, солнце, горящее сегодня на черных холстах Греку золотым деревом жизни.

М. ПРИМЧУК.